

границы. Эти проблемы я намереваюсь разрабатывать в своих дальнейших исследованиях.

Условия возможности диалога религии и науки¹

В.А. Шапошников

Выделяют четыре основных схемы взаимоотношения религии и науки: конфликт, независимость, диалог и интеграцию². Не считая адекватными первые две схемы, я хотел бы высказать некоторые соображения в пользу схемы «диалога» и против схемы «интеграции».

Единство изначальной интенции.

Вопрос о соотношении науки и религии – вопрос *философский* (это область компетенции *именно* философии). Спросим: что такое *религия* и что такое *наука*, о соотношении которых будет идти речь? Говоря о науке, я буду иметь в виду новоевропейскую науку, а говоря о религии, преимущественно иудаизм и христианство.

Что такое *наука*? Если посмотреть на науку не как на определенную развитую практику, которую стремились описать философия и социология науки в XX в., а попробовать выделить изначальную *интенцию*, которая стоит за всем многообразием ее социальных форм, то, наверное, такой интенцией окажется *поиск истины*. Наука стремится быть достоверным, *истинным* знанием. Именно такой смысл имеют греческое «ἐπιστήμη» и латинское «scientia». Слово же «истина» отсылает нас к подлинно существующему, а тем самым и к началу и истоку всего существующего³.

¹ Выступление на круглом столе «Роль философии в диалоге религии и науки» 26 января 2011 г. на философском факультете МГУ.

² Иен Барбур (Ian Barbour) в книге «Религия и наука: история и современность» (Religion and Science: Historical and Contemporary Issues. SCM Press, 1998; рус. пер.: М.: ББИ св. апостола Андрея, 2000).

³ П. Флоренский возводил слово «истина» в русском языке к слову «есть», к тому, как оно *есть* «на самом деле» (см.: Флоренский П.А. Столп и утверждение Истины. М.: Путь, 1914. С. 15–16).

Что такое *религия*? Она многопланова: 1) вера в сверхъестественное; 2) верования и ритуалы; 3) система ценностей; 4) свод моральных норм и типов поведения; 5) культовые действия и обряды; 6) объединение людей. Все это есть в религии, но что здесь главное и изначальное? Согласно философской этимологии Лактанция, латинское «*religio*» происходит от слова «связь» (имеется в виду связь человека с Богом)¹. Но Бог должен быть *истинным* Богом, иначе какой же это Бог? Можно даже сказать, что Истина (с большой буквы!) и Бог (также с большой буквы!) – это одно и то же, они тождественны. Религия хочет быть *связью человека с Богом как Истиной*².

Итак, на уровне основной интенции (связи с Истиной) религия и наука едины. Истина здесь не теория, не содержательное знание о мире, а бытийное условие возможности, как научного знания, так и религиозной надежды³. Нетрудно заметить, что ученые и верующие едины в ряде фундаментальных убеждений: например, сходятся они в том, что мир хоть сколько-то упорядочен и стабилен, подчинен каким-то законам, а, следовательно, до определенной степени познаваем. И те, и другие убеждены, другими словами, в *существовании и единственности Истины* (философ может не принимать истину в указанном смысле, но вынужден констатировать, что наука и религия, по крайней мере по их замыслу, ее признают).

Однако это *согласие* науки и религии имеет лишь самый общий и предварительный характер. Как только мы переходим к большей детализации, мы обнаруживаем совершенно разные и *независимые* типы дискурса. Даже сходные на первый взгляд утвер-

Вопрос о глобальных, глубинных и предельных смыслах и истинах – это вопрос, который рассматривает не наука (в современном понимании), а *метафизика*. Но нам сейчас важен тот общий корень, из которого произрастают и метафизика, и наука.

¹ См.: Божественные установления (IV, 28, 3) // *Лактанций*. Божественные установления. Книги I–VII. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2007. С. 296.

² Наиболее близко к философии и науке в религиозной практике стоит *теология* (богословие), которая строит развернутый дискурс о Боге.

³ Вспомним два (из четырех) кантовских вопроса: «Что я могу знать?» и «На что я смею надеяться?» (Логика Йеше (1800) // *Кант И.* Собр. соч.: В 8 т. М.: Чоро, 1994. Т. 8. С. 280). Наука имеет дело со *знанием*, а религия – с *надеждой*.

ждения теологии и науки (естествознания или социальных наук) имеют при более внимательном рассмотрении кардинально различный смысл в контексте своего дискурса¹. Пока принципиальное отличие научного и религиозного дискурса наряду с единством их основы не будет четко осознано, мы постоянно рискуем иметь дело лишь с *иллюзией* взаимопонимания.

Различие науки и религии и их способность дополнять друг друга.

Как же нам различить науку и религию (теологию)? Можно сделать это *по предмету*, противопоставив «естественное» и «сверхъестественное», можно – *по методу*: опора на опыт (эмпирия) и рациональное обоснование *vs.* опора на мистический опыт и авторитет традиции (Писание и Предание).

Мистический опыт есть переживание встречи с Божественным, то, что еще называют «нуминозным»². Этот опыт, связанный с весьма интенсивными переживаниями, не обладает (столь важной для научного опыта) интересубъективной проверяемостью, да и вообще плохо поддается выражению, но тем не менее все-таки является опытом, который невозможно игнорировать, хотя и возможно по-разному интерпретировать³. О мистическом опыте *можно* рассказать, но только на особом языке – *языке символа и мифа*. Именно такие рассказы, признанные подлинными, и фиксирует *традиция*. С одной стороны, всякий мистический опыт уникален, с другой – он обладает и типическими чертами. Последнее позволяет

¹ Классический пример: творение мира Богом (креационизм) в Библии и теория «большого взрыва» в космологии; рассказ «шестоднева» в Библии и теория эволюции в естествознании.

² Рудольф О. Священное. Об иррациональном в идее божественного и его соотношении с рациональным (1917). СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2008. Саму способность опознавать и признавать Божественное (Священное) Отто именует «дивинацией».

³ Уильям Джеймс пишет, и я склонен с ним в этом вопросе согласиться, что «все корни религиозной жизни, как и центр ее, мы должны искать в мистических состояниях сознания». Признаки этих состояний, по Джеймсу, следующие: неизреченность, интуитивность, кратковременность, бездеятельность воли (см.: Джеймс В. Многообразие религиозного опыта (1901–1902). М.: Издание журнала «Русская мысль», 1910. Лекции XVI и XVII).

оценивать доброкачественность такого опыта в свете традиции. Авторитет традиции выступает в данном случае как слабый аналог интересубъективной проверяемости. В результате рецепции мистического опыта мы получаем религиозное *откровение*. *Теология* же возникает при дальнейшем рациональном осмыслении откровения. Есть ли у науки основания *отрицать* (а не просто признавать лежащим вне ее сферы) то, что в прямом смысле интересубъективно не проверяемо? Я полагаю, что нет.

Теперь о предмете: естественное vs. сверхъестественное. *Сверхъестественное* религии – не «загробная география», а принципиально иное измерение человека и его опыта – *духовное* измерение. Более того, естественный и сверхъестественный порядки как бы «взаимно перпендикулярны», «ортогональны», а человек – место их пересечения и объединения. Между ними не конфликт, а дополнение. Классический пример – вопрос о чуде. Чудо необязательно понимать как нарушение научного порядка природы. Чудо есть обращение Бога к конкретному человеку (личности) и, внятное ему/ей, оно может происходить и в рамках законов природы.

Наука и богословие дополняют друг друга. Даже если они приходят к утверждениям, сходным по внешнему виду, то делают это как бы «с разных сторон». Религиозный (богословский) и научный дискурсы принципиально различны. Вот почему возникает (очень сложная) задача перевода. Потребность в диалоге ставит проблему поиска «пограничного» дискурса – это задача философии. Точнее, *философия сама и есть этот пограничный дискурс.*

В религии важны не столько *доказательства*, сколько экзистенциальный *выбор*. В религии не доказывают, а *свидетельствуют*. У науки и религии разные *цели*: в науке цель – адекватное познание эмпирического мира, в религии – формирование личности как духовной реальности.

Априорное доказательство существования Бога невозможно, а апостериорные не являются доказательствами. Они представляют собой просто естественный ход мысли: посмотри на мир и вспомни о его Творце. Созерцание мира, изучение его устройства неизменно подталкивает человека к припоминанию (по Платону!) своего Творца. Наука здесь ничего не доказывает, но может служить мощным стимулом для благочестия. Тому, кто не готов или не хочет

видеть, ничего доказать нельзя! *Религия связана не с доказательствами, а с глубинным личностным откликом на Правду и личностным выбором ее.* В сфере религии важнее не то, что мы достоверно знаем о Боге, а то, какой Бог нам *нужен*, без какого Бога мы *не можем жить*, за какого Бога мы *готовы умереть*, на встречу с каким Богом мы *надеемся*.

Причины конфронтации (конфликта): идеология. Роль философии.

Если дело с взаимоотношениями науки и религии обстоит так, как мы только что описали, то откуда же пресловутая *война* между ними? Я полагаю, что эти отношения войны имеют место не между наукой и религией как таковыми, а между научной и религиозной *идеологиями*.

Идеи и представления, будь то религиозные или научные, становятся *идеологией* в той мере, в которой они вовлекаются в систему распределения и перераспределения *власти* в обществе. Как религия, так и наука существуют как определенные сообщества, социальные группы. Поэтому неизбежно (и та, и другая) имеют идеологическое измерение, выступают как идеологии, причем *различные*. Но две разные идеологии в одном и том же обществе всегда будут находиться в состоянии потенциального или реального конфликта. Им есть что делить – власть над людьми и все что из нее вытекает!

Одним из важнейших средств борьбы с идеологизацией мысли и личности является *философия* (Жан Лакруа говорит, что персонализм – это «антиидеология»; это удачное слово и для философии вообще!)¹. *Деидеологизация* как религии, так и науки – важнейшее условие диалога между их представителями. Кстати, заметим: *диалог происходит не между религией и наукой, а между конкретными людьми!* Но можно ли быть свободным от властных отношений, конституирующих общество? Я бы ответил так: *мы можем и должны к этому стремиться* – в науке, в философии, в христианстве.

¹ Лакруа Ж. Персонализм как антиидеология (1972) // Лакруа Ж. Избранное: Персонализм. М., 2004.

Взаимовлияние науки и религии.

В истории европейской культуры наука и религия находятся в постоянном сложном взаимодействии.

Религия влияет на науку через: 1) мотивацию ученого; 2) его приоритеты; 3) религиозное оправдание занятия науками или ограничения или даже запрет на подобные занятия; 4) культурные предпосылки науки, которые включают и религиозный компонент. *Религия влияет главным образом не на науку как систему теорий и методов, а на личность, делающую науку, а также на научное сообщество, из этих личностей состоящее*¹.

Приведу несколько примеров наугад: методологическая установка, согласно которой все, что встречается в мире, достойно быть предметом научного исследования, поскольку создано благим Богом-творцом; метафизическая предпосылка, состоящая в убежденности в эффективности математического описания природных явлений (концепция Бога-геометра); предпочтение более простых теорий (симплицизм) и эстетический критерий при построении или выборе научных теорий также имеют богословский подтекст. Еще один классический пример – биографически засвидетельствованная богословская мотивация Георга Кантора при создании теории множеств.

С другой стороны, современные нам научные представления определяют язык наших религиозных мифов и нашего богословия. Научные представления традиционно использовались в *экзегетических* целях², аналогичным образом и характер экзегетики менялся соответственно характеру современной экзегеты науки. Делая такое утверждение необходимо, правда, учесть также значительно больший консерватизм религии (по сравнению с наукой). Такой консерватизм вызывает очень существенное историческое запаздывание, характерное для богословского языка. Этот эффект создает дополнительные проблемы в диалоге религии и науки, поскольку порой наука при этом сталкивается с уже отвергнутыми в ней и

¹ К. Поппер сказал бы, что это влияние расположено в сфере психологии научных открытий, а не логики научного исследования. На языке Т. Куна религия влияет на метафизические и аксиологические компоненты научных парадигм.

² Классическое обоснование см., например, у Августина в «De Doctrina Christiana» (*Блаженный Августин, епископ Иппонский. Христианская наука.* СПб.: ВІВЛІОПОЛІС, 2006).

ставшими архаичными, но сохраненными в неизменности в составе богословия научными представлениями.

Наука влияет на богословие, заставляя его постепенно отказываться от поспешных и не всегда корректных (с научной точки зрения) экзегетических подходов к текстам, входящим в состав Священного Писания и Предания. Знаменитый пример – «остановка Солнца» в книге Иисуса Навина как аргумент против гелиоцентрической системы мира в астрономии. Победа гелиоцентрических представлений заставила Католическую Церковь признать правоту Галилея, а вместе с тем и неправомомерность подобной экзегезы книги Иисуса Навина. Правда, произошло это признание только в середине XX в.! Другой пример: при определении возраста Земли было принято ориентироваться на библейскую хронологию (время, прошедшее от сотворения мира). После Чарльза Лайеля геология освобождается от этой идеи и оказывает обратное влияние на религию, заставляя всерьез пересматривать буквалистскую экзегетику Священного Писания.

На мой взгляд, очень важную роль сейчас играет в этом процессе воздействия науки на религию библейская критика. Современная библеистика использует новейшие данные археологии, текстологии и пр. научных исследований при изучении и истолковании текстов Священного Писания¹.

Что такое диалог?

Является ли расхождение науки и религии расхождением на уровне принципов? Думаю, что нет. Их принципы дополняют друг друга. Но даже если предположить, что это так, что из этого будет следовать? Возможен ли спор о принципах? Полагаю, что да. Ведь под всяким расхождением принципов лежит *единство человеческой ситуации*, позволяющей нам оказаться в самой ситуации диалога. Напомню еще раз: в диалог вступают не религия и наука, а конкретные люди! Это делает диалог *всегда* принципиально возможным.

¹ Вплоть до радикальных экспериментов либеральной теологии The Jesus Seminar (США – с 1985) (см., например: *Borg M.J. Jesus: Uncovering the Life, Teachings and Relevance of a Religious Revolutionary.* Harper Collins Publishers, 2006 (рус. пер.: *Борг М. Бунтарь Иисус: Жизнь и миссия в контексте двух эпох.* М.: Эксмо, 2009).

В свое время Ганс Гадамер сформулировал критерий диалога: диалог состоялся, если мы вышли из него изменившимися¹. *Весь вопрос в том, насколько мы готовы меняться...* Готовность к диалогу есть требование интеллектуальной честности, если мы сориентированы на поиск Истины, а не на создание тех или иных кумиров и поклонение им. Важно стараться не лгать самому себе, пусть и неосознанно, как бы ни было страшно отказываться от привычных представлений. Идеология (будь то религиозная или научная) всегда связана с подобной ложью².

Четкое различие науки и религии является методической предпосылкой, позволяющей увидеть конкретные формы их взаимодействия, а не «потопить» все в смутном и неопределенном религиозно-научном синтезе³. Наличие *дистанции* между собеседниками, признание права собеседника быть *другим*, уважение к его *инаковости* – важнейшие условия диалога. «Если у нас не достанет мужества восстановить подлинное чувство дистанции между людьми и лично бороться за него, мы погибнем в хаосе человеческих ценностей», – предостерегал Дитрих Бонхёффер.⁴ Верно это и для

¹ Гадамер Г.Г. Неспособность к разговору (1971) // Гадамер Г.Г. Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991. С. 87.

² Вспомним феномен «киллзорного сознания» по Марксу («Немецкая идеология», 1845–1846) и эффект идеологического поглупения по Дитриху Бонхёфферу (см.: Спустя десять лет (1942–1943) // Бонхёффер Д. Сопротивление и покорность. М.: Изд. группа «Прогресс», 1994. Раздел «О глупости» (с. 33–36)).

³ В каком-то смысле синтез науки и религии *можно* утверждать, но только в эсхатологической перспективе, когда мы, по слову апостола Павла, познаем, как сами познаны (1 Кор. 13: 12). Показательны в этом отношении позиции в вопросе о соотношении науки и религии Августина и Иоанна Скота Эриугены (см.: Майоров Г.Г. Формирование средневековой философии. Латинская патристика. М.: Мысль, 1979. С. 224–230; Бриллиантов А.И. Влияние восточного богословия на западное в произведениях Иоанна Скота Эриугены. М.: Мартис, 1998. С. 243–256). Однако важно не спутывать наличную ситуацию и эсхатон...

⁴ Бонхёффер Д. Указ. соч. С. 40. Об этом писали многие, например Ганс Гадамер: для диалога «решающей предпосылкой выступает способность воспринимать другого именно как другого» (Гадамер Г.Г. Указ. соч. С. 89); Симона Вейль: «Дружба возможна лишь там, где люди соблюдают и уважают дистанцию между собой» (Вейль С. Формы неявной любви к Богу / Пер. Петра Епифанова // Иностранная литература. 2010. № 8 (доступно в Интернете по адресу: http://simoneweil.ru/index/0-21))).

взаимоотношений религии и науки. *Путь к подлинному диалогу лежит не через размывание и смазывание границ науки и религии, а через четкое их проведение.*

* * *

Сформулирую еще раз свою основную позицию: *единство и согласие религии и науки достижимо, но не теоретически, а экзистенциально*, т.е. не на пути *теоретического* синтеза, приводящего к некой единой религиозно-научной теории, а в *конкретной человеческой личности*, *экзистенциальным* образом реализующей единство религиозной веры и научной деятельности в своей жизни. (Подобные личности могут образовывать и соответствующие сообщества.) Единство и согласие науки и религии реализуемо также в экзистенциальном *диалоге*, т.е. в поиске взаимопонимания и взаимном изменении ученого и верующего. Дело же *философа* – *вскрывать условия возможности и препятствия* на пути такого диалога.

О новых характеристиках времени в современной космологии

В.Д. Эрекаев

О времени написано немало, описано много его свойств, предложено множество концепций его природы. Так, например, существуют следующие четыре концепции природы времени: субстанциальная, реляционная, динамическая и статическая¹. Среди свойств нам хорошо известны необратимость² времени, одномерность и однонаправленность. Чтобы объяснить направленность времени было предложено несколько «стрел времени»: космологическая, термодинамическая, электромагнитная. Широко распространена точка зрения о существовании физического, психологического и социального времени.

¹ См., например: Молчанов Ю.Б. Четыре концепции времени в философии и физике. М., Наука, 1977.

² Притом что в ряде фундаментальных физических теорий время обратимо, например в классической механике.

**ФИЛОСОФИЯ
НАУКА
ОБРАЗОВАНИЕ
2011**

**МОСКВА
Издательство ООО «МЭЙЛЕР»**

УДК 1
ББК 87
Ф56

*Рекомендовано к изданию
кафедрой философии естественных факультетов
философского факультета
МГУ имени М.В. Ломоносова*

Ф56 Философия, наука, образование – 2011.

Труды кафедры философии естественных факультетов философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. Ежегодное издание / Под ред. В.А. Шапошникова. – М.: ООО «МЭЙЛЕР», 2012. – 477 с.

ISBN

Очередной выпуск ежегодника отражает научные интересы и достижения сотрудников и аспирантов кафедры философии естественных факультетов философского факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова в 2011 г. Специфика кафедры состоит в том, что ее члены преподают философию студентам и аспирантам механико-математического, физического, химического, биологического и др. естественных факультетов МГУ, и это во многом определяет спектр творческих интересов ее сотрудников. В сборнике также участвуют некоторые сотрудничающие с нами преподаватели других кафедр философского факультета и других факультетов МГУ. Несмотря на всё разнообразие собранных здесь под одной обложкой текстов, их объединяет триединство философского подхода, интереса к науке и педагогических задач.

Для преподавателей философии, аспирантов и студентов философских факультетов, а также для широкого круга читателей.

УДК 1
ББК 87

ISBN

© Авторы, 2012